

УДК: 164.2

DOI: 10.15372/PS20210102

К.Г. Фролов**МЕЙНОНГИАНСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ
СУЩЕСТВОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ЗАТРУДНЕНИЯ¹**

Основной тезис статьи состоит в том, что представление о трактовке понятия существования, предложенной А. Мейнонгом, как об эксцентричной и заведомо неправдоподобной концепции, предполагающей абсурдные следствия, является неоправданным. Показано, что, будучи корректно истолкованным, данный подход не только не вступает в противоречие с какими-либо нашими типичными и естественными интуициями, но соответствует им более, чем любая иная теория аналогичного рода. Ключевой тезис мейнонгианства при этом сводится к тому, что наличие предметного содержания в тех или иных размышлениях и представлениях не обязательно обусловлено существованием соответствующего предмета в физическом мире. Мыслить можно и о несуществующем, и такое мышление не будет бессодержательным. В то же время этот тезис вовсе не нацелен на то, чтобы доказать существование чего-либо несуществующего, он лишь констатирует определенный факт, который хотя и нуждается в дальнейших пояснениях, но точно не может быть подвергнут отрицанию.

Ключевые слова: существование; предмет; парадокс несуществующих объектов; Б. Рассел; А. Мейнонг

K.G. Frolov**MEINONGIAN ANALYSIS OF THE CONCEPT OF EXISTENCE:
PROBLEMS AND DIFFICULTIES**

The main thesis of the article is that the idea of A. Meinong's interpretation of the concept of existence as an eccentric and deliberately implausible concept that implies absurd consequences is unjustified. The author shows that, being correctly presented, this approach not only does not contradict our typical and natural intuitions, but corresponds to them more than any other theory of a similar kind. In this, the key thesis of Meinongianism is that the subject matter of certain thoughts and ideas is not necessarily caused by the existence of the corresponding subject in the physical world. One can think about something that does not exist and such thinking will not be empty. At the same time, this thesis is not

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00158 «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора»).

aimed at proving the “existence of something non-existent”, but just states a certain fact, which, although it needs further clarification, surely cannot be denied.

Keywords: existence; object; paradox of non-existent objects; B. Russell; A. Meinong

Данное исследование представляет собой вторую часть проекта реконструкции полемики между Б. Расселом и А. Мейнонгом по поводу логической формы единичных экзистенциальных суждений, начатого в предыдущей нашей работе [8] с целью критического осмысления аргументов, предложенных обеими сторонами, а также их оценки в свете текущего состояния философского знания.

Основное содержание, достоинства и недостатки теории дескрипций Б. Рассела, а также его концепции, согласно которой «имена естественного языка на самом деле являются скрытыми дескрипциями» [3, с. 113], были нами проанализированы в предыдущей работе [8]. Теперь же предметом нашего внимания будет мейнонгианский подход к трактовке понятия существования – его особенности, достоинства и недостатки.

Приступая к рассмотрению дискуссии между Расселом и Мейнонгом по поводу трактовки понятия существования, начать следует с главного: Рассел и Мейнонг не расходились во мнениях относительно того, что существует, а что не существует. Нет ни одного примера объекта, в отношении которого можно было бы утверждать, что Мейнонг полагал его существующим, а Рассел – несуществующим.

Однако если в расселианском анализе ищутся окольные, обходные пути экспликации неявной логической формы единичных экзистенциальных высказываний с целью избежать парадокса несуществующих индивидов, то в мейнонгианском анализе предпочтение отдается действию напрямую, что позволяет опираться на ряд вполне естественных интуиций. В этом и состоит основное методологическое различие между ними.

Для мейнонгианского подхода отправной точкой в данном случае оказывается сам язык: такие выражения, как «Некоторых вещей в мире не существует», воспринимаются на уровне повседневного, профессионально не деформированного восприятия не просто в качестве истинных, но в качестве *тривиально* истинных. Не существует единорогов, кентавров, вечных двигателей, волшебных палочек и множества других предметов. Что важно, не существует *разных* предметов, и то обстоятельство, что все они не существуют, несколько не мешает нам различать их в своем познании [9, р. 13]. В своих

рассуждениях, нацеленных на обоснование невозможности существования вечного двигателя второго рода, мы никогда не спутаем предмет обсуждения с единорогом или с самым большим простым числом.

Тем самым, помимо интуиции различения несуществующих объектов, мы располагаем также интуицией возможности их исследования. В частности, поиска объяснений их несуществования. В ряде случаев найти рациональные объяснения таким фактам оказывается вполне возможно. Это говорит нам о том, что сфера познания не ограничена и не должна быть ограничена существующим. Познавать несуществующее порой не менее полезно, чем существующее. Так, политикам и военным полезно моделировать сценарии и последствия ядерной войны даже в том случае, если такой войны никогда не будет. Шахматистам полезно анализировать разнообразные ходы, большинство из которых в разыгрываемой ими партии все равно не будут сделаны. Выпускнику школы полезно представить себе те или иные версии своего будущего, даже если крайне маловероятно, что хотя бы одна из них будет впоследствии в точности реализована.

Умение анализировать альтернативы, т.е. то, чего в мире в настоящий момент не существует и, возможно, никогда не будет существовать, – чрезвычайно полезный когнитивный навык. Человек такой способностью обладает. Таков эмпирический факт. Именно из этой данности, согласно мейнонгианскому анализу, и следует исходить, не деформируя сути происходящих явлений, но лишь пытаясь подобрать для этих имеющихся фактов соответствующий теоретический каркас описания.

Эту задачу и призвана решить теория предмета А. Мейнонга. Он пишет: «Если вспомнить о том, как метафизика с давних пор стремилась включить в область своих интересов далекое и близкое, малое и великое, то можно с удивлением отметить, что метафизика не может взять на себя только что сформулированную задачу. Она, несмотря на все свои достижения, не может стать наукой о предмете, так как ее исследованиям не хватает той универсальности, к которой она так отчаянно стремилась и которая таким образом стала для нее роковой. Метафизика, несомненно, должна иметь дело с совокупностью всего того, что существует. Однако совокупность всего того, что существует, включая также и все то, что существовало и будет существовать, все же бесконечно мала по сравнению с совокупностью предметов познания» [4, с. 205].

Отсюда следует простое и элегантное решение парадокса несуществующих объектов: эта парадоксальность представляет собой лишь кажущееся противоречие, в действительности же никакого противоречия здесь нет. Чтобы это понять, достаточно вспомнить классическую формулировку Аристотелем закона непротиворечия: «Невозможно, чтобы одно и то же в одно и то же время было и не было присуще одному и тому же *в одном и том же отношении*» [1, с. 125].

Соответственно, мейнонгианство делает ставку на экспликацию двух разных смыслов, разных прочтений для термина «быть». Речь идет о так называемых экзистенциально нагруженном и экзистенциально не нагруженном прочтениях. Однако в таком случае понятия «быть» и «существовать» оказываются строго различными по своему смыслу, поскольку у понятия «существовать», разумеется, никакого экзистенциально не нагруженного прочтения нет.

При этом между понятиями бытия и существования по Мейнонгу, имеются некоторые вполне строгие связи: если нечто существует, то оно есть; если же чего-то нет, то оно не существует. В то же время если нечто есть, это еще не значит, что оно существует, и если чего-то не существует, то это еще не значит, что его нет.

Вообще говоря, самая суть мейнонгианства сводится к отказу от принципа Аристотеля: чтобы быть носителем тех или иных свойств, вовсе не обязательно существовать. Достаточно быть. Причем, как было сказано выше, у термина «быть» имеются как экзистенциально нагруженное прочтение (в тех пределах, в каких «быть» и «существовать» совпадают), так и экзистенциально не нагруженное (в тех пределах, в каких «быть» и «существовать» различаются по своему объему).

В свете этих конструкций суждение «Имеются объекты, в отношении которых истинно, что их нет» получает свое истинное и непротиворечивое прочтение, в рамках которого термин «имеются» прочитывается экзистенциально не нагруженным образом (т.е. не влечет, что указанные объекты существуют), тогда как термин «нет», выражающий понятие небытия, прочитывается экзистенциально нагруженным образом (т.е. влечет, что указанные объекты не существуют).

В более современной версии Т. Парсонса [15, р. 157] та же идея выражена в виде формулы

$$\exists x(\neg E!x),$$

где квантору существования приписывается экзистенциально не нагруженное прочтение, тогда как экзистенциально нагруженному прочтению соответствует предикат существования $E!$ Таким образом, противоречия удастся избежать.

Примечательно, что мейнонгианский анализ на первый взгляд кажется дружественным платонизму, поскольку он наделяет числа и прочие математические сущности статусом «бытийствующих», имеющих в наличии объектов. Так, К. Файн пишет в адрес одного из наиболее видных мейнонгианцев, Т. Парсонса, что его теории можно «выдвинуть обвинение по следующим статьям: платонизм, интернализм и буквализм» [10, р. 140]. Однако такой взгляд на мейнонгианство неверен. В самом деле, ведь математические объекты, с точки зрения Мейнонга, попросту не существуют². А это, мягко говоря, не совсем тот тезис, который отстаивает платонизм.

Еще более примечательно, что, как указывалось нами ранее [8], платонизм куда легче примирить не с мейнонгианским, а с расселианским анализом, в рамках которого место несуществующих индивидов занимают существующие, хотя и не реализованные свойства, которые при этом вполне можно трактовать в качестве существующих абстрактных сущностей.

Как и в случае с расселианским анализом понятия существования, основная проблема с мейнонгианским анализом заключается в той цене, которую нам придется заплатить за разрешение парадокса несуществующих объектов. Ценой этой на сей раз выступает отказ от единого и неделимого понятия существования.

Впрочем, строго говоря, это не совсем верно (См.: [7]). Понятие существования в мейнонгианстве остается на своем месте, с ним не происходит никаких трансформаций. Однако оно дополняется еще одной, более широкой категорией наличествующего, имеющего место. Это расширение не приводит ни к размыванию, ни к неоправданному разрастанию списка всего существующего. Мейнонг и Рассел не расходились в своих представлениях о том, что существует. Они расходились во мнениях о том, имеется ли в мире *что-либо еще* помимо суще-

² Мейнонг пишет: «То бытие, которым должна заниматься математика как таковая, абсолютно не является существованием (Existenz); в этом отношении математика никогда не выходит за пределы наличия (Bestand)» [4, с. 206].

ствующих сущностей. Мейнонг отвечал на этот вопрос утвердительно, Рассел – отрицательно.

Важно понять всю фундаментальность этого расхождения. Оно носит именно концептуальный характер. Дело не в том, что Мейнонг или Расселу были неизвестны какие-либо факты актуального мира. Дело в том, что этим фактам можно приписывать различную логическую форму и в зависимости от этого получать те или иные онтологические следствия. Выбор, какие из этих следствий принимать, а какие – не принимать, остается за философом. Конечно, мы предполагаем, что каждый философ осуществляет подобный выбор на рациональной основе. Однако сами критерии рациональности в данном случае оказываются неясны и проблематичны.

Хорошо известно, что в отношении многих метафизических теорий справедлива прямая пропорциональная зависимость между их объяснительными возможностями и соответствующими онтологическими допущениями: чем больше сущностей теория постулирует, тем больше фактов она может объяснить, и наоборот. Это верно не всегда, и, конечно, наша задача – осуществить своего рода оптимизацию, т.е. найти такое решение, которое позволяло бы объяснять как можно большее число фактов посредством как можно меньшего числа допущений.

Соответственно, если мы имеем дело с двумя метафизическими теориями, обладающими одинаковой объяснительной силой, но разными по масштабу онтологическими допущениями, то мы, следуя заветам У. Оккама, склонны отдавать предпочтение более экономной теории. И наоборот, если две метафизические теории имеют одинаковые онтологические допущения, но обладают при этом разной объяснительной силой, то мы, разумеется, предпочитаем более мощную теорию³. Но что делать, если более мощная теория требует от нас больших онтологических допущений по сравнению с менее мощной, в общем случае остается неясно.

В данном случае мейнонгианство предполагает несомненно больший объем онтологических обязательств, чем расселианский ана-

³ Ситуация, однако, становится сложнее в том случае, если две разные метафизические теории с одинаковыми онтологическими допущениями обладают разными объяснительными преимуществами: одна лучше справляется с одним классом явлений, тогда как вторая – с другим. И наоборот, если теории с примерно одинаковой объяснительной силой обладают разными, но сопоставимыми по масштабу онтологическими допущениями: одна полагает существующими один класс сущностей, тогда как вторая – совсем другой. Никакого общего решения эти оптимизационные метафизические задачи не имеют.

лиз. Это обстоятельство тем более примечательно, что, как упоминалось выше, Рассел и Мейнонг не расходились между собой по поводу того, что существует. Поэтому их расхождение касается не непосредственно самого понятия существования, а скорее, понятия онтологии: для Рассела онтология – это перечень всего существующего, тогда как для Мейнонга – перечень всего наличествующего, имеющего место. Соответственно, в упрек Мейнонгу можно поставить не то, что его анализ размывает границы существующего (этого как раз не происходит), а то, что его анализ размывает границы онтологии актуального мира. В онтологию актуального мира (но не в класс существующих объектов!) в результате попадают сущности, которые расселианцы явно не хотели бы туда записывать. Здесь обнаруживает себя первый аспект противостояния расселианства и мейнонгианства.

Второй аспект состоит в том, что расселианцы попросту не принимают того, что онтология актуального мира не исчерпывается списком всего существующего. Следует четко осознать различие между первым и вторым указанными аспектами: если первый аспект касается того, какие сущности следует или не следует включать в онтологию актуального мира, то второй аспект касается вовсе не статуса сущностей различных типов, но того, что представляет собой онтология как таковая.

Соответственно, для расселианца неприемлемо такое положение дел, когда нечто имеется в мире, но при этом не существует. Расселианец попросту отказывается понимать, что это значит. Сам Рассел по этому поводу пишет: «Я должен признаться, что не вижу никакой разницы между “наличествовать” и “существовать”. И кроме этого мне больше нечего сказать по этому вопросу» [18, р. 439]. Для него любая сущность, в отношении которой можно сказать, что она имеется в мире, существует. Объясняется это тем обстоятельством, что расселианский анализ, вообще говоря, вовсе не физикалистский, в его рамках вполне могут признаваться существующими сущности, отличные от столов и стульев как парадигмальных примеров физических объектов⁴. Но что расселианство точно не готово признать, так это наличия в мире некоей онтологической области, состоящей из несуществующих объектов. Подобная идея, с точки зрения расселианца, воспринимается как результат утраты чувства реальности и впадение если не в мистицизм, то в нечто, к нему приравняемое.

⁴ В данном случае уместно вспомнить, что Б. Рассел является, в частности, автором концепции сенсibiliлий как одной из версий теории чувственных данных [17].

Следующим недостатком мейнонгианства, непосредственно вытекающим из предыдущего, является то обстоятельство, что у нас нет никакой гарантии того, что проделав однажды шаг дополнения понятия существования некой более широкой категорией бытия (наличествования), мейнонгианец на этом остановится. И в самом деле, такое опасение вовсе не безосновательно. Следующим подобным шагом со стороны самого Мейнонга стало привнесение в его теорию понятий так-бытия и вне-бытия.

Продиктован этот шаг следующими соображениями. Дело в том, что людям порой свойственно иметь представления и убеждения, которые в действительности являются противоречивыми, а потому невозможными. Однако «невозможными» не в смысле того, что такие представления и убеждения не могут иметь места, а в том смысле, что содержание таких представлений и убеждений не может быть реализовано ни в каком возможном мире.

Примеры такого рода могут быть разнообразными. К их числу можно отнести «невозможные фигуры» и «невозможные изображения», с особым мастерством выполненные Эшером, или, например, заблуждения людей по поводу математических истин. Так, некто может иметь пусть и смутное, но представление о самом большом простом числе, или представить себе круг и квадрат, равные по площади, или же полагать, что число 51 – простое.

Подобного рода представимость ни в коей мере не свидетельствует в пользу возможности представляемого [2; 11]. Вместе с тем такие представления небеспредметны. В этом контексте для Мейнонга как представителя школы Brentano центральным является понятие интенциональности, направленности всех ментальных актов на тот или иной предмет. Соответственно, для Мейнонга самоочевидно, что всякий раз, когда имеется представление, имеется также и некий предмет представления.

Как следствие, невозможные предметы представления оказываются для Мейнонга проблематичными. Возникает потребность отразить в теории разницу между такими предметами представления, как идеальный круг и, например, идеальный круг, равный по площади некоторому квадрату. Оба они не существуют. Однако, по мысли Мейнонга, первый из них *имеется в наличии*, тогда как второй – нет.

Объясняется это тем обстоятельством, что все предметы мысли сами по себе внебытийственны, наличие, существование или отсутствие того или иного предмета обнаруживает себя лишь на уровне суж-

дения, корректно выражающего определенное положение дел («объектив» в терминах самого Мейнонга). Соответственно, идеальным кругам как предметам мысли соответствуют некие положения дел с их участием, которые могут быть выражены суждениями, истинными в актуальном мире. А потому такие идеальные круги имеются (хотя и не существуют) в актуальном мире. В случае же идеального круга, равного по площади некоторому квадрату, напротив, такому предмету мысли не соответствуют никакие положения дел с его участием, которые могли бы быть выражены суждениями, истинными в актуальном мире. А потому идеальных кругов, равных по площади каким-либо квадратам, в актуальном мире не только не существует, но и не имеется.

И тем не менее такой идеальный круг, равный по площади некоторому квадрату, с точки зрения Мейнонга, может быть предметом небеспредметного представления. Соответственно, этот круг обладает так называемым так-бытием, причем если в случае понятий бытия и существования можно было предъявить строгие связи между ними, то между понятиями бытия и так-бытия не только нет никакой связи, но, наоборот, имеется абсолютная независимость: «То, что никоим образом не является внешним по отношению к предмету, но составляет его собственную сущность, наличествует в его так-бытии, которое присуще предмету вне зависимости от того, обладает он бытием или нет» [4, с. 212].

Тем самым понятие вне-бытия (*Außersein*), т.е. вместилища всех возможных предметов мысли, обладающих так-бытием, независимо от того, наличествуют ли они в актуальном мире, существуют ли в нем или же не существуют и не наличествуют, оказывается дальнейшим шагом на пути дополнения понятия существования иными категориями более широкого охвата. Впрочем, строго говоря, на данном этапе речь уже идет не о расширении онтологии, а о построении того, что может быть названо экстраонтологией [12; 13], внешней, по отношению к онтологии актуального мира.

Вполне очевидно, что идеи А. Мейнонга по своей смелости на многие десятилетия обогнали свое время. Сегодня же, когда аналитическая метафизика знает такие теории, как модальный реализм Д. Льюиса [14] или концепция невозможных возможных миров его ученика Т. Ягисавы [19], построения Мейнонга уже не выглядят неприемлемо эксцентричными. В этом отношении последовательный выход мейнонгианских построений не только за пределы существующего, но и за пределы онтологии актуального мира может быть признан довольно слабым доводом против мейнонгианства.

Третьим доводом со стороны расселианцев в адрес мейнонгианства является упрек в так называемом психологизме и недооценка мейнонгианством важности проработки проблематики логической формы высказываний о существовании. Рассел пишет: «Сначала мы думаем о золотой горе, затем воспринимаем то, что мы о ней думаем. Далее мы заключаем, что имеется представление о ней, и наконец делаем вывод о том, что золотая гора наличествует или имеет бытие» [16, р. 36].

Действительно, одной из ключевых задач мейнонгианского анализа является прояснение взаимоотношений между так называемыми предметами представлений и объектами физического мира. Однако из-за сложности рассматриваемых проблем представляется целесообразным предварительно обсудить ряд мысленных экспериментов, выполняющих роль аналогии. В рамках этих мысленных экспериментов мы временно заменим метафизически проблематичные представления (природа и онтологический статус которых нам не до конца ясны) на обычные картины, нарисованные художником.

Разумеется, такая аналогия не является полной. Так, главное различие между картиной и представлением состоит в том, что всякая картина определено и несомненно существует в качестве физического объекта, локализованного в физическом пространстве. Представление же, по-видимому, не является физическим объектом, локализованным в пространстве.

Тем не менее и в случае с представлениями, и в случае с картинами мы сталкиваемся с некоторыми общими семантическими затруднениями, которые и хотелось бы продемонстрировать в данном случае. К их числу относятся вопросы следующего характера:

- 1) является ли нарисованная лошадь лошадью?
- 2) имеется ли у нарисованной лошади шерсть?
- 3) можно ли нарисовать существующую лошадь?
- 4) может ли нарисованная лошадь быть той же самой лошадью, что и существующая?

Поначалу кажется, что первые два вопроса имеют отчетливо софистический характер, поскольку вся их парадоксальность и проблематичность целиком строятся на эквивокации, т.е. на отождествлении нетождественного, ведь по здравом размышлении ясно, что понятие лошади и понятие нарисованной лошади – это попросту два разных понятия с непересекающимися объемами. В этом смысле нарисованная лошадь, конечно, лошадью не является и шерсти не имеет. Нарисован-

ная лошадь обладает лишь *нарисованной шерстью*, однако «шерсть» и «нарисованная шерсть» также представляют собой два различных пересекающихся понятия.

Однако вступив на такой путь здравого смысла, мы сталкиваемся затем с неожиданными последствиями и затруднениями. Так, третий вопрос представляет собой нечто вроде сократической ловушки: трудно на него ответить как-либо иначе, чем утвердительно. Но в таком случае придется ответить утвердительно и на четвертый вопрос. А это значит, что нечто может принадлежать и к объему понятия «лошадь», и к объему понятия «нарисованная лошадь», и это говорит о том, что объемы этих понятий пересекаются, что, в свою очередь, подрывает нашу аргументацию в пользу софистического характера первых двух вопросов. В самом деле, в них обнаруживается рациональное зерно в форме классического вопроса о природе универсалий: имеется ли нечто такое (некая «лошадность»), чем обладают и живые, и нарисованные лошади?

Отрицательный ответ в духе номинализма предполагает в конечном итоге, что всякая нарисованная лошадь может быть лишь *сходна* с существующей лошадью, но не идентична ей.

Однако ситуация для номиналиста становится значительно более проблематичной, когда мы сталкиваемся со следующим претендующим на истинность суждением:

5) художник может нарисовать несуществующую лошадь.

Будучи последовательным, номиналист должен признать, что нарисовать всякий раз можно лишь нечто похожее на лошадь. Однако в данном случае номиналисту пришлось бы утверждать, что художник способен нарисовать нечто похожее на несуществующую лошадь. Похожую на что?

Здесь имеются две опции, для номиналиста обе по-своему проблематичные. Первая опция состоит в том, что художник стремится нарисовать неспецифическую лошадь (т.е. ему все равно, на какую именно лошадь будет похож его рисунок). Эта опция для номиналиста проблематична тем, что не вполне ясно, что значит «быть похожим на неспецифическую лошадь» и как художник мог бы такого изображения добиться, не выбрав себе предварительно никакого ориентира и цели. Вторая опция состоит в том, что художник может стремиться нарисовать вполне специфическую несуществующую лошадь, ту самую, которую он хочет изобразить на своей картине и нарисовать которую у него может либо получиться, либо не получиться в конечном итоге.

Эта опция для номиналиста также проблематична в силу неопределенного онтологического статуса того специфического объекта, который был избран художником в качестве желаемого результата.

Рассмотренные выше мысленные эксперименты носили характер предварительной аналогии. После того как мы проделали эту работу, значительно легче прояснить суть тех проблем при анализе содержания представлений, с которыми сталкивается мейнонгианский анализ, а также изложить решения, предлагаемые в рамках этого подхода.

С этой целью рассмотрим следующий ряд вопросов:

- 6) является ли воображаемая лошадь лошастью?
- 7) может ли у воображаемой лошади быть шерсть?
- 8) можно ли вообразить существующую лошадь?
- 9) можно ли вообразить заведомо несуществующую лошадь?

Первые два вопроса позволяют в наглядной форме продемонстрировать самую суть некоторых важных расхождений между мейнонгианским и расселианским подходами.

Так, как указывает В.В. Селиверстов, с точки зрения Рассела, мы не имеем оснований «приписывать несуществующим предметам реальные свойства. Несуществующие предметы принципиально не подходят для приписывания реальных свойств» [5, с. 301]. В таком случае у воображаемой лошади не может быть шерсти, но лишь воображаемая шерсть, не являющаяся, вообще говоря, шерстью. Кроме того, воображаемая лошадь не является лошастью, поскольку воображаемая лошадь вообще не существует, а то, что не существует, не может быть чем-либо, в том числе и лошастью, поскольку то, что не существует, не может быть носителем каких-либо реальных свойств.

При этом с точки зрения Мейнонга, воображаемая лошадь, разумеется, является лошастью. Ведь «быть лошастью» – ее определяющее свойство, отличающее ее, например, от слона или любого иного воображаемого предмета. Соответственно, как и у всех лошадей, у воображаемой лошади в нормальном случае также имеется шерсть. При этом мейнонгианство, разумеется, не утверждает, что шерсть воображаемой лошади существует, а с полным правом утверждает как раз обратное: имеющаяся у воображаемой лошади шерсть не существует.

В этом отношении расселианский анализ и анализ мейнонгианский представляют собой равноправные альтернативы, ни одна из которых не сталкивается с непреодолимыми противоречиями.

Однако некоторые трудности подстерегают мейнонгианский анализ при переходе к следующей паре вопросов. В самом деле, кажется интуитивно ясным и приемлемым утверждение о том, что художник может нарисовать как существующую лошадь (ту самую, которая живет в его деревне), так и несуществующую. По аналогии с этим можно утверждать, что тот же художник перед тем, как нарисовать обеих этих лошадей, предварительно их вообразил. Тем самым он вообразил двух лошадей: существующую и несуществующую. Соответственно, вообразить существующую лошадь вполне возможно. Однако, как признает мейнонгианство, воображаемые лошади лишь имеют место (наличествуют), но не существуют. Но тогда в данном случае мы имеем дело с несуществующей воображаемой существующей лошадью, т.е. лошадью, в отношении которой воображается, что она существует (в противоположность другой лошади, например мультипликационной, в отношении которой не воображается, что она существует).

Будучи приложенным к классическому для данной темы образу золотой горы, этот парадокс носит название «парадокса золотой горы». И здесь стоит заметить, что он по многим параметрам отличается от рассмотренного нами ранее парадокса несуществующих объектов.

Первым и наиболее очевидным отличием является то обстоятельство, что в случае с парадоксом несуществующих объектов речь шла именно о заведомо несуществующих объектах, таких как Шерлок Холмс, тогда как в данном случае предметом рассмотрения является воображаемый существующий объект.

Как следствие, вторым отличием является то обстоятельство, что для анализа парадокса несуществующих объектов мейнонгианство располагает возможностью обратиться экзистенциально не нагруженному понятию наличия и выразить желаемое непротиворечивым образом: имеются такие объекты, как, например, Шерлок Холмс, которые не существуют. Здесь ни термин «имеются», ни термин «не существуют» не предполагает, что что-либо из упомянутого существует. Однако трудно воспользоваться тем же ходом мысли применительно к несуществующей воображаемой существующей лошади. В данном случае та же стратегия пригодна только в отношении первого термина – «несуществующая». В самом деле, такая воображаемая лошадь хотя и не существует, но тем не менее наличествует. Однако со вторым экзистенциальным термином в этой дескрипции – «существующая» поделаться ничего нельзя, и он тем самым вступает в явное противоречие с первой экзистенциальной характеристикой.

Без развитой интенциональной семантики, которой Мейнонг, разумеется, не располагал, устранить это противоречие удовлетворительным образом едва ли возможно. Однако в современных терминах разрешить эту проблемную ситуацию оказывается не так сложно. Например, если воспользоваться аппаратом теории двойников Льюиса, то рыжеволосый двойник Ларса фон Триера в другом возможном мире как раз и будет таким *несуществующим воображаемым существующим индивидом*. Несуществующим он будет с точки зрения нашего актуального мира (поскольку в теории Льюиса каждый индивид может существовать только в одном возможном мире), а существующим – в том возможном мире, к которому он принадлежит. Соответственно, в рамках теории Льюиса в гиперуниверсуме найдется такой индивид, который будет удовлетворять указанной дескрипции без всяких противоречий.

Следующая серьезная проблема для мейнонгианского анализа касается так называемых неполных объектов. Дело в том, что исходный посыл мейнонгианства, согласно которому для всякого интенционального состояния найдется некий предмет, на который оно направлено, допускает, что этот предмет может быть не полностью определен. Классический пример в данном случае – образ Шерлока Холмса, в отношении которого не определено, имеется ли у него хотя бы одна родинка на левом плече или же на левом плече у него нет ни одной родинки. Тем самым если такого рода объекты имеют место, то они, по видимому, нарушают закон исключенного третьего.

Это серьезный довод. Однако может ли он быть решающим, неясно. Вообще говоря, неясно, обязаны ли все имеющиеся объекты удовлетворять закону исключенного третьего. Иными словами, должны ли все объекты быть полными или же нет? Мейнонгианство в данном случае располагает конкретным доводом в пользу своего отрицательного ответа: не все объекты должны быть полными хотя бы потому, что неполные объекты вполне могут быть предметом человеческих размышлений и истинных суждений. Примером такого рода могут послужить геометрические фигуры, не имеющие никакого определенного цвета.

В свою очередь, оппоненты мейнонгианства не располагают никакими иными доводами помимо постулата о том, что неполные объекты, не удовлетворяющие закону исключенного третьего, попросту не могут существовать. Однако, во-первых, данный тезис может быть конструктивно оспорен (что и делают, например, платонисты), а во-вторых, мейнонгианство и не утверждает, что таковые объекты существуют. С точки зрения мейнонгианства, неполные объекты лишь *имеются в наличии*.

В результате дискуссия вновь упирается в нашу готовность или неготовность признавать наличие несуществующих объектов и тем самым различать наличие и существование. Следовательно, довод от закона исключенного третьего не является независимым.

Подводя некоторые итоги, следует признать, что представление о мейнонгианском подходе как об эксцентричной и заведомо неправдоподобной концепции, предполагающей абсурдные следствия, является неоправданным. Будучи корректно истолкован, данный подход не только не вступает в противоречие с какими-либо нашими типичными и естественными интуициями, но соответствует им более, чем любая иная теория аналогичного рода. В самом деле, мейнонгианство никоим образом не предполагает существование золотой горы или Шерлока Холмса, но лишь констатирует то обстоятельство, что наши представления о золотой горе или о Шерлоке Холмсе не являются *беспредметными*. При этом сказать, что мы, представляя себе, например, идеальную сферу, в действительности ничего не представляем на том лишь основании, что идеальных сфер не существует в физическом мире, было бы совершенно неоправданным.

Тем самым ключевой тезис мейнонгианства сводится к тому, что наличие предметного содержания в тех или иных размышлениях и представлениях не обязательно обусловлено существованием соответствующего предмета в физическом мире. Мыслить можно и о несуществующем, и такое мышление не будет бессодержательным. Данный незамысловатый тезис вовсе не нацелен на то, чтобы доказать существование чего-либо несуществующего, он лишь констатирует определенный факт, который хотя и нуждается в дальнейших пояснениях, но точно не может быть подвергнут отрицанию.

Литература

1. *Аристотель*. Сочинения: В 4 т. – М.: Мысль, 1976. – Т. 1.
2. *Демин Т.С.* Аргумент представимости Дэвида Чалмерса // *Философский журнал*. – 2020. – Т. 13, № 3. – С. 162–174.
3. *Ледников Е.Е.* Существование и индивидуальные дескрипции // *Логические исследования*: Ежегодник. – 2002. – Вып. 9. – С. 113–119.
4. *Майнон А.* О теории предметов // *Эпистемология и философия науки*. – 2011. – № 1. – С. 202–229.
5. *Селиверстов В.В.* Дискуссия А. Майнонга и Б. Рассела: проблематика и развитие. Трансцендентное в современной философии: направления и методы / Под ред. Т.В. Левиной. – СПб.: Алетейя, 2013. – С. 289–304.

6. *Seliverstov V.V.* Значение и становление теории предметов Алексиуса Майнонга // Эпистемология и философия науки. – 2011. – № 1. – С. 198–201.
7. *Seliverstov V.V., Попик О.Ю.* Рассел vs Майнонг: смысл диалога // Эпистемология и философия науки. – 2013. – № 2. – С. 210–218.
8. *Фролов К.Г.* Расселианский анализ понятия существования: проблемы и затруднения // Философия науки. – 2020. – № 4 (87). – С. 15–28.
9. *Crane T.* The Objects of Thought. – Oxford: Oxford University Press, 2013.
10. *Fine K.* Critical review of Parsons' Nonexistent Objects // Philosophical Studies. – 1984. – Vol. 45. – P. 95–142.
11. *Gendler T.S., Hawthorne J.* Introduction: Conceivability and Possibility Conceivability and Possibility / Ed. by. T.S. Gendler, J. Hawthorne. – N.Y.: Oxford University Press, 2002. – P. 1–70.
12. *Jacquette D.* Meinongian Logic: The Semantics of Existence and Nonexistence. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1996.
13. *Jacquette D.* Meinong's concept of implexive being and non-being // Grazer Philosophische Studien. – 1995. – Vol. 50. – P. 233–71.
14. *Lewis D.* On the Plurality of Worlds. – Oxford: Blackwell, 1986.
15. *Parsons T.* Nonexistent Objects. – New Haven: Yale University Press, 1980.
16. *Russell B.* Meinong's theory of complexes and assumptions // Russell B. Essays in Analysis / Ed. by D. Lackley. – London: Allen and Unwin, 1973.
17. *Russell B.* Mysticism and Logic. – London: George Allen and Unwin Ltd, 1917.
18. *Russell B.* Review: Uber die Stellung der Gegenstandstheorie im System der Wissenschaften by A. Meinong // Mind. – 1907. – Vol. 16, No. 63. – P. 436–439.
19. *Yagisawa T.* Beyond Possible Worlds // Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition. – 1988. – Vol. 53. – No. 2. – P. 175–204.

References

1. *Aristotle.* (1976). Sochineniya: V 4 t. [Works: In 4 vol.]. Vol. 1. Moscow, Mysl Publ. (In Russ.).
2. *Demin, T.S.* (2020). Argument predstavimosti Devida Chalmersa [David Chalmers's conceivability argument]. *Filosofskiy zhurnal* [Philosophy Journal], Vol. 13, No. 3, 162–174.
3. *Lednikov, E.E.* (2002). Sushchestvovanie i individnye deskriptsii [Existence and individual descriptions]. *Logicheskie issledovaniya: Ezhegodnik* [Logical Investigations: Yearbook], 9, 113–119.
4. *Meinong, A.* (2011). O teorii predmetov [On the theory of objects]. *Epistemologiya i filisofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science], 1, 202–229. (In Russ.).
5. *Seliverstov, V.V.* (2013). Diskussiya A. Mainonga i B. Rassela: problematika i razvitie [A discussion between A. Meinong and B. Russell: problems and development]. In: Levina, T. (Ed.). *Transtsendentnoe v sovremennoy filosofii: napravleniya i metody* [The Transcendental in Modern Philosophy: Approaches and Methods]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 289–304.
6. *Seliverstov, V.V.* (2011). Znachenie i stanovlenie teorii predmetov Aleksiusa Mainonga [The significance and formation of Alexius Meinong's theory of objects]. *Epistemologiya i filisofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science], 1, 198–201.
7. *Seliverstov, V.V. & O.Yu. Popik.* (2013). Rassel vs Mainong: smysl dialoga [Russell vs Meinong: the sense of the dialogue]. *Epistemologiya i filisofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science], 2, 210–218.

8. *Frolov, K.G.* (2020). Russellianskiy analiz ponyatiya sushchestvovaniya: problemy i zatrudneniya [Russellian analysis of the concept of existence: problems and difficulties]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 4 (87), 15–28.
9. *Crane, T.* (2013). *The Objects of Thought*. Oxford, Oxford University Press.
10. *Fine, K.* (1984). Critical review of Parsons' nonexistent objects. *Philosophical Studies*, 45, 95–142.
11. *Gendler, T.S. & J. Hawthorne.* (2002). Introduction: Conceivability and possibility. In: *Gendler, T.S. & J. Hawthorne* (Eds.) *Conceivability and Possibility*. New York, Oxford University Press, 1–70.
12. *Jacquette, D.* (1996). *Meinongian Logic: The Semantics of Existence and Non-existence*. Berlin & New York, Walter de Gruyter.
13. *Jacquette, D.* (1995). Meinong's concept of implexive being and non-being. *Grazer Philosophische Studien*, 50, 233–71.
14. *Lewis, D.* (1986). *On the Plurality of Worlds*. Oxford, Blackwell.
15. *Parsons, T.* (1980). *Nonexistent Objects*. New Haven, Yale University Press.
16. *Russell, B.* (1973). Meinong's theory of complexes and assumptions. In: *Russell, B. Essays in Analysis*. Ed. by D. Lackley. London, Allen and Unwin.
17. *Russell, B.* (1917). *Mysticism and Logic*. London, George Allen and Unwin Ltd.
18. *Russell, B.* (1907). Review: *Über die Stellung der Gegenstandstheorie im System der Wissenschaften* by A. Meinong. *Mind*, Vol. 16, No. 63, 436–439.
19. *Yagisawa, T.* (1988). Beyond possible worlds. *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*, Vol. 53, No. 2, 175–204.

Информация об авторе

Фролов Константин Геннадьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» (197376, Санкт-Петербург, ул. Попова, 5), Института философии СПбГУ (199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5).

kgfrolov@etu.ru

Information about the author

Frolov, Konstantin Gennadievich – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor at the Chair of Philosophy, St. Petersburg Electrotechnical University (5, Popova st., St. Petersburg, 197376, Russia), at the Institute of Philosophy, St. Petersburg State University (5, Mendeleev Line, St. Petersburg, 199034, Russia).

kgfrolov@etu.ru

Дата поступления 08.02.2021